
В.М.Давыдов

Латино-Карибская Америка в современном контексте и ориентиры РФ в отношениях со странами региона

Задача автора — дать общее представление об основных сдвигах и процессах, характеризующих современное состояние экономики, общества и международных отношений латиноамериканских и карибских государств. Исходя из новых условий развития региона и меняющегося глобального контекста, уточняются основные ориентиры и приоритеты России в построении отношений с указанными странами.

Ключевые слова: имидж Латино-Карибской Америки, потенциал развития региона, риски.

ТРАДИЦИОННОСТЬ И ОБНОВЛЕНИЕ В ОБЛИКЕ РЕГИОНА

На современной мировой сцене у Латино-Карибской Америки (ЛКА) формируется новый облик. При этом показательно, что на информационном поле латиноамериканские страны сегодня реже представлены в зоне негатива и чаще в зоне позитивных новостей.

Прежний имидж — совокупность экономически и социально отсталых обществ, политически неустойчивых государств, которые занимают преимущественно периферийное положение в системе международных отношений, подчиненное место в мировой иерархии. **Новообретаемый имидж** — регион состоит из кризисоустойчивых и динамично растущих экономик, довольно платежеспособных рынков. Его ведущие страны на ряде направлений обнаруживают способность к переходу на инновационный путь развития. В ЛКА, как правило, укоренились основные демократические ин-

---

Владимир Михайлович Давыдов — член-корреспондент РАН, директор Института Латинской Америки (davydov@ilaran.ru).

При подготовке текста доклада были использованы разработки специалистов ИЛА РАН: д-ра экон. наук Н.Н.Холодкова, д-ра полит. наук Б.Ф.Мартынова, канд. экон. наук Л.Н.Симоновой, д-ра полит. наук З.В.Ивановского, д-ра полит. наук М.Л.Чумаковой, канд. ист. наук Э.Е.Кузнецовой, канд. ист. наук Н.С.Константиновой.

ституты, смена власти происходит конституционным электоральным путем. Уверенно проявляет себя тенденция социальной ориентации развития. Государства региона не замыкаются в региональных рамках либо в пространстве межамериканских отношений. Они стремятся активнее участвовать в общемировых делах и по возможности открывать для себя доступ в «клуб» глобального регулирования.

ЛКА представлена своей крупнейшей страной в BRICS (Brasil, Russia, India, China, South Africa), тремя странами — Аргентиной, Бразилией и Мексикой — в «большой двадцатке». Латиноамериканцы все более самостоятельно выступают и действуют в ООН, в ее специализированных органах, инициативно и настойчиво ведут себя в переговорном процессе в рамках ВТО. Говоря о современной роли стран ЛКА, не грех сослаться и на персоналии. Так, мексиканец Анхель Гуриа стал генеральным секретарем ОЭСР, а аргентинский кардинал Хорхе Марио Бергольо, как известно, занял папский престол. Недавно ушедший из жизни Уго Чавес почти десятилетие был на мировой арене одним из первых ньюсмейкеров.

Практически отсутствовавшие — до середины XX в. — на авансцене мировой творческой культуры страны ЛКА все более весомо представлены на ней выдающимися образцами литературы, музыки, живописи, архитектуры. Более того, есть немало имен (включая, конечно, Гарсиа Маркеса, Борхеса, Вила Лобаса, Ботеро, Гуаясамина, Пьяцоллы, Нимейера...), которые и в Европе диктовали и диктуют «высокую моду».

В последнее время странам ЛКА в известной мере удалось «сомкнуть свои ряды», создав общерегиональную организацию политического и экономического сотрудничества — Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC), задача которой, образно говоря, состоит в том, чтобы решать проблемы региона в собственном кругу. В CELAC вошли все государства ЛКА, включая Кубу. Но в ней не представлены северные соседи — Канада и США, которые оставались наиболее влиятельными членами ОАГ (Организации американских государств), где до недавнего времени они могли с успехом лоббировать свои интересы. Сегодня же, очевидно, что политическое пространство ОАГ будет сокращаться, а для CELAC увеличиваться.

Совокупный экономический, ресурсный потенциал региона впечатляет — 600 млн жителей и соответствующий потребительский рынок, свыше 6 трлн долл. ВВП по итогам 2012 г. ЛКА занимает 15% планетарной суши, на нее приходится свыше 30% общемировых запасов пресной воды — стратегического ресурса будущего. Регион обладает 18% разведанных запасов нефти. Доля в мировом производстве меди — 47%, серебра — 41%, бокситов — 27%, олова — 25%, цинка — 22%. Бразилия остается на мировом рынке практически монополистом по выработке ниобия. В совокупности страны ЛКА дают 9% мирового производства зерновых, 52% сои, свыше 30% мяса говядины и 24% птицы. Таковы некоторые штрихи общерегиональной картины. И их репрезентативность вполне очевидна.

В чем родовая особенность Латинской Америки и Карибов? Как макрорегион современного мира ЛКА демонстрирует уникальный образец тесной общности, но в то же самое время пример широкого разброса страновых ситуаций. На нашей планете просто нет ничего подобного — столь высокой степени родства стран и народов при столь обширной и многочисленной совокупности. Быть

может, в этом смысле конкурировать с ЛКА способен лишь ареал арабского Востока, который однако существенно меньше по площади, населенности и весу в мировой экономике.

В основе уникальной гомогенности ЛКА — совпадение исторических судеб (включая колониальное прошлое и постколониальную периферийность), лингвистическое единство или близкое родство — преобладающего испанского с португальским — при малозначительном весе английского и ряда других «метропольных» языков, конфессиональная однородность, обусловленная явным доминированием католичества. Нельзя не видеть и того, что в большинстве стран региона иберийская культура — ключевой компонент национального культурогенеза.

С другой стороны, мы видим, что по показателям состояния экономики и социального благополучия дистанция, отделяющая верхний эшелон стран ЛКА от уровня, достигнутого ныне развитыми государствами, существенно меньше той дистанции, которая пролегает между верхним и нижним «этажом» региона. У них разная степень обеспеченности природными ресурсами, разный этнорасовый состав, не говоря уж о совершенно несопоставимом масштабе, когда крупнейшая страна региона имеет 200 млн жителей и около 2,5 трлн долл. ВВП, в то время как у мини-государств Карибского бассейна население исчисляется десятками тысяч, а ВВП лишь сотнями миллионов долларов.

Как оценивать соотношение общего и особенного в ЛКА? Думаю, осознать это помогают типовые черты цивилизационной идентичности. Существует два подхода к оценке цивилизационной принадлежности латиноамериканских и карибских стран. В одном случае ЛКА рассматривается лишь как проекция евроатлантической христианской цивилизации, ее дочернее ответвление; во втором — как самостоятельная молодая цивилизация, имеющая «пограничный» характер. Нам ближе последняя интерпретация.

Конкретизация цивилизационной идентичности дает возможность представить страновые различия в синтезе типовых черт. В общем массиве ЛКА можно выделить три типовые ситуации. Первая — гибридный социум, возникший на матрице высоких автохтонных культур, доросших до стадии государственной организации «имперского» типа (инкский и ацтекско-майанский ареалы). Вторая ситуация — экономика и общество, сложившиеся на основе уклада плантационного рабства в течение нескольких веков принудительного переселения (преимущественно Карибы и северо-восток Бразилии). Третья ситуация определялась поздним формированием социума на основе свободного переселенчества европейцев (в основном в порядке трудовой миграции) на рубеже XIX и XX вв. (прежде всего Аргентина и Уругвай, а также частично Чили и южные штаты Бразилии). На такое распределение наглядно указывает характерный этнорасовый состав населения применительно к каждой матрице. И это отнюдь не формальный показатель. Речь идет об особенностях менталитета, системе ценностей, социальной психологии и т.п., что, разумеется, нужно учитывать не только в научном анализе, но и в практике международных отношений, в практике межличностного общения.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАСКЛАДА

В конце прошлого — начале нынешнего века ЛКА преподнесла немало сюрпризов и самой себе, и остальному миру, осуществив несколько крупных поворотов в своем развитии. 70-е годы прошлого века — время запуска неolibерального эксперимента, начавшегося в Чили после путча Пиночета*. 80-е годы — этап демократизации, когда с исторической сцены сходили диктаторские и авторитарные режимы и утверждались демократические институты. Одновременно регион пережил жесточайший структурный кризис, проявившийся прежде всего в гипертрофии внешней задолженности. Неслучайно Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну (ЭКЛАК) назвала 80-е годы «потерянным десятилетием», когда среднегодовые темпы прироста ВВП опустились ниже 1,5%, став отрицательными в подушевом исчислении.

К концу десятилетия неolibеральная волна почти целиком накрывает ЛКА (Куба — редкое исключение). Последнее десятилетие XX в. ассоциируется с реформами так называемого первого поколения в духе «вашингтонского консенсуса». Добившись макроэкономической стабилизации, эти реформы тем не менее сопровождаются высокими социальными издержками. «Минимальное государство», ушедшее от экономической ответственности, тем более устранилось от социальной ответственности. У властей накопился огромный социальный долг перед собственным народом. Неизбежное следствие — партии истеблишмента потеряли доверие электората.

Политический маятник качнулся круто влево, но уже с ориентацией на новые партии и движения, которые создавались «по ходу дела», реагируя на резко усилившиеся протестные настроения. Начался «левый дрейф»**, который так или иначе охватил две трети региона и дает себя знать до сих пор, реализуя альтернативную политику в большинстве стран ЛКА.

Одновременно к исходу XX в. в социально-политической обстановке стали весомо ощущаться последствия этнодемографической инверсии, когда темпы прироста численности индейских народов и народностей стали превосходить темпы прироста численности креольской (белой) массы населения. Мало того, началась политизация индейских масс, что, разумеется, особенно явно проявилось в «индейских странах» (в Месоамерике и в Андском субрегионе). Этот феномен квалифицируется в политологическом дискурсе как своего рода индейский ренессанс и по всем признакам будет все больше влиять на расстановку сил в условиях этих стран. Наиболее ярким примером этого служит левоиндихенистский проект Эво Моралеса в Боливии.

---

* Кстати, здесь неolibеральный поворот случился раньше, чем в центрах капиталистической экономики; имеются в виду тэтчеризм в Англии и рейганомика в США.

** В одной из первых публикаций, посвященных этому феномену, дано объяснение введению данного термина: «Дрейф ассоциируется с неупорядоченным процессом, определенной спонтанностью движения, неопределенностью его траектории, вероятностью торможений, зигзагов и откатов, разнородностью подводных течений. Именно в таком виде, как представляется, происходит осуществление левой альтернативы (альтернатив) на латиноамериканском пространстве — левый дрейф в широком диапазоне». См. В.М.Д а в ы д о в. Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке — обусловленность, основные ориентиры и международная проекция. М., 2007, с. 39.

После ухода с политической сцены военно-диктаторских режимов в процессе демократизации произошли заметные положительные сдвиги: в странах ЛКА регулярно проводятся выборы, проходит (хотя и ограниченная) ротация политических элит, в той или иной степени осуществляется децентрализация власти, институционализируются партийно-политические системы, более строго соблюдается принцип разделения властей, усиливается парламентский контроль над исполнительной властью, позволивший в нескольких случаях добиться импичмента «проштрафившихся» глав государств. Осуществляется профессионализация и деполитизация армии, усиливается независимость избирательных институтов, вводится электронное голосование, обеспечивающее более прозрачные выборы, совершенствуется судебная система, которая также становится независимой от исполнительной власти.

Среди негативных обстоятельств можно назвать рецидивы авторитаризма, случаи выхода на авансцену силовых структур с попыткой организации государственного переворота (Гондурас, Эквадор), нестабильную социальную базу политических партий, сопровождающуюся эрозией казавшихся устойчивыми партийных систем, поляризацию электората, слабое гражданское общество, использование демократических механизмов для прихода к власти лидеров, злоупотребляющих популистской практикой.

После завершения электорального цикла середины прошлого десятилетия с определенной долей условности можно выделить три группы государств. Леворадикальная часть спектра представлена теми, кто привержен социализму традиционного типа (Куба), либо различным вариантам его обновленной версии — «социализма XXI века» (Венесуэла, Боливия, Эквадор и Никарагуа). Сторонники этой модели образовали региональное объединение — Боливарианский альянс для народов нашей Америки (*Alternativa Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América — Tratado de Comercio de los Pueblos, ALBA—ТСП*), чьим бесспорным лидером вплоть до кончины оставался венесуэльский президент Уго Чавес.

Каждый из леворадикальных режимов имеет свои особенности, среди общих тенденций можно выделить радикализацию политической борьбы и стремление ограничить политический плюрализм, курс на этатизацию экономики, антиамериканскую риторику. Существенно то, что общим приоритетом внутренней политики стало решение наиболее острых социальных проблем. Снижение уровня бедности и социальной поляризации во многом обеспечивалось в странах — членах ALBA благодаря помощи Венесуэлы (поставки нефти по субсидированным ценам), а улучшение ситуации в сфере образования и здравоохранения — благодаря кубинским специалистам.

Правоцентристская часть политического спектра была представлена оставшимися в меньшинстве Колумбией, Мексикой, Перу и Чили, где в общих чертах правительство сохраняло неолиберальную модель, основанную на открытой экономике при ориентации на США и международные финансовые институты. Так действительно можно было описывать ситуацию в этих странах до недавнего времени. Однако в представленную картину приходится вносить коррективы после победы на последних президентских выборах в Перу Ольянты Умалы, продекларировавшего социальные приоритеты, следуя примеру правления Луиса Инасио Лулы да Силвы, а

затем после снижения рейтинга чилийского президента Себастьяна Пиньеры и, с другой стороны, роста популярности лидера социалистов Мишель Бачелет, заявившей о готовности вторично участвовать в президентских выборах.

В большинстве же стран региона у власти находились умеренные левоцентристские правительства, идеология которых включала элементы социального либерализма и социальной демократии. Ведущие позиции в ней занимала и продолжает занимать Бразилия, играющая роль регионального лидера. Левоцентристские режимы проводят сбалансированную многовекторную и достаточно гибкую политику, направленную на защиту общенациональных интересов, развивают отношения с США, ЕС и латиноамериканскими соседями, не ставят под сомнение принципы рыночной экономики, политической демократии, соблюдения прав человека, одновременно выступая за повышение роли государства в регулировании экономики и увеличение масштабов социальной помощи населению.

Электоральный цикл конца прошлого — начала нынешнего десятилетия привел к некоторой перегруппировке сил. Леворадикальные правительства во всех случаях добились переизбрания, а Д.Ортега (Никарагуа) и Р.Корреа (Эквадор) даже упрочили свои позиции, поскольку пропрезидентские партии добились квалификационного большинства в парламентах. В определенной мере к тому же лагерю примыкает практика президента К.Фернандес де Киршнер (формально Аргентина не входит в ALBA). Между тем в ряде стран политический маятник вновь качнулся вправо: после выборов в Панаме, Чили и Гондурасе к власти пришли правоцентристские силы. Преемственность подтвердилась впечатляющей победой Х.М.Сантоса, получившего максимальную за всю современную историю Колумбии долю голосов (69%). 23 апреля 2013 г. в Парагвае победил кандидат правой партии «Колорадо» О.Картеса, правые и правоцентристские партии получили большинство в обеих палатах конгресса. Несмотря на смену власти и победу оппозиции в целом сохраняется преемственность политики, проводимой в Перу и Мексике.

Еще одна новая тенденция последнего десятилетия — эволюция правых и левых режимов в сторону центра. Так, президент Сальвадора М.Фунес, представляющий Фронт национального освобождения им. Фарабундо Марти, выступил в защиту свободы слова и других демократических ценностей, подверг критике концепцию «социализма XXI века» и стремление леворадикальных лидеров продлить сроки своих конституционных полномочий. В свою очередь, правые и правоцентристские правительства усилили внимание к социальным проблемам, внимательно изучают положительный бразильский опыт. События этого года показали, что хотя для прихода к власти леворадикальных политиков существуют объективные причины, ключевую роль играют личности харизматичных лидеров, от которых зависят не только будущее «социализма XXI века», но в значительной мере и сценарии политического развития в регионе в целом.

Какие коррективы в национальный и региональный контекст вносит уход из жизни венесуэльского лидера У.Чавеса? Для ответа на этот вопрос необходимо, во-первых, обратить внимание на крайнюю степень персонализации созданного им режима власти, отсутствие в его окружении фигур, сравнимых по масштабу и лидерским качествам. Неудивительно, что пре-

емник в лице Николаса Мадуро построил избирательную компанию исключительно на политическом капитале Чавеса. Но долго на этом без собственного авторитета, который, однако, трудно завоевать при нынешнем ухудшении экономической конъюнктуры, продержаться нельзя. Неудача ослабит скрепы ALBA, осложнит и без того трудное положение Кубы, жизненно зависящей от льготных поставок нефти из Венесуэлы.

Ухудшение конъюнктуры в венесуэльской экономике во многом является следствием несбалансированной политики предыдущего этапа, явного перебора в этатизации национальной экономики. Чавизм без Чавеса уязвим в том смысле, что ему нужны слишком большие коррективы для выживания, включая налаживание диалога с предпринимательством, с политической оппозицией, отход от форсажа огосударствления экономики, хотя бы частичный отказ от обременительных внешних обязательств. Сумеет ли новое руководство вывести потрепанный корабль венесуэльской экономики и политики из штормовой зоны? Иными словами, коррективы во внутренней и внешней политике становятся императивом, а это будет означать, что леворадикальная тенденция в левом дрейфе региона станет менее радикальной. Эстафета, перешедшая в свое время от Ф.Кастро к У.Чавесу, по всей видимости попадет в иные руки. Шансы принять ее есть у Рафаэля Корреа — нынешнего президента Эквадора. В этой связи показательны коррективы в идеологической сфере. Недавно руководство Эквадора произвело замещение концепции «социализма XXI века» концепцией «достойной жизни» (*buen vivir*), в большей мере насыщенной общегуманистическим содержанием.

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КУРСА

Последнее десятилетие в ЛКА поэтапно либо ускоренным темпом (в зависимости от политической ориентации власти) происходила смена парадигмы экономической и социальной политики*. Результат — отход от догмы «минимального государства» (в духе вашингтонского консенсуса), возвращение государства к экономической и социальной ответственности. Росло понимание того, что социальные расходы (тем более адресно и рационально используемые) не есть вульгарный вычет из инвестиционных ресурсов, а есть продуктивный вклад в потенциал внутреннего рынка через увеличение внутреннего потребительского спроса и, в конечном счете, серьезное подкрепление экономического роста. Во внешних связях стран региона реализовывался курс на диверсификацию торговли географически и содержательно. Многие из них благодаря двусторонним и многосторонним договорам о зонах (каналах) свободной торговли (ЗСТ) связывали свои экономики с наиболее динамичными внерегиональными рынками, уменьшая таким образом пресловутую волатильность внешнеэкономической конъюнктуры.

---

* Этому предшествовали попытки усовершенствования реформ первого поколения (неолиберальных). Но реформы второго поколения (поствашингтонский консенсус) не удалась. Было уже поздно.

Конечно, в первое десятилетие века сказалась высокая ценовая конъюнктура на мировом рынке сырья и продовольствия. Благодаря этому во многих странах удалось существенно нарастить золотовалютные резервы и на этой основе начать погашение внешней задолженности, доведя ее до приемлемых нормативов. В отношении к экспорту товаров и услуг объем внешней задолженности в целом по региону уменьшился с 40,4% в 2000 г. до 13,8% в 2010 г.*. Многим странам ЛКА также удалось избавиться от опеки Международного валютного фонда, что по существу означало укрепление национального экономического суверенитета. О результатах этой метаморфозы говорит сопоставление темпов роста ВВП за периоды, характеризующиеся разным содержанием экономической политики (см. таблицу).

Переориентация экономической и социальной политики позволила (причем, пожалуй, впервые за последние 50 лет) **сократить зону бедности**. Если в 1990 г. доля населения, находящегося ниже черты бедности, составляла 48,4% (в том числе 22,6% в состоянии нищеты), и к 2000 г. она уменьшилась лишь на несколько пунктов, опустившись до 42,5% (включая 18,1% — в зоне нищеты), то к 2010 г. результат оказался весьма внушительным: сокращение составило 11 процентных пунктов — до 31%, включая 12,1% по категории нищеты.

Уклонение государства от активного регулирования трудовых отношений, социальной сферы в целом привело к ограничению доступа к механизмам социальной защиты, к росту неравенства в распределении доходов. Начавшееся в конце 90-х годов реформирование социальной политики продолжалось с наступлением нового века. В отличие от программ 80-х и начала 90-х годов главной целью которых была борьба с бедностью при помощи адресных локализованных выплат, на исходе 90-х начинает преобладать интегральный подход, когда преодоление бедности увязывается с задачей сглаживания неравенства. Фактически государство шло на компромисс с обществом через социальную политику, заявляя о равенстве прав, о важности содействия «социальной конвергенции».

Государство стало заниматься управлением социальных рисков, таких как отсутствие или потеря занятости, особенно в наиболее уязвимых группах населения (женщины, молодежь, этнические меньшинства), риски, связанные с жизненными циклами (материнство, детство, старость). Принятые программы предусматривали организацию общественных работ, курсов профессиональной подготовки, предоставление субсидированных кредитов, помощь в создании рабочих мест. Реформируя систему социальной защиты, государство было вынуждено учитывать четко проявившиеся изменения в демографической ситуации, в структуре и характере семьи, возрастающее значение «человеческого капитала».

В последнее десятилетие меры по преодолению бедности во многом связаны с осуществлением программ адресных выплат, которые отличались от практики 80—90-х годов большим объемом финансирования, более широким охватом населения и разнообразием технологии оказания помощи. Если в 2000 г. в эти программы было включено 5,7% населения 18 стран региона, то в 2010 г. — уже 19,3%, фактически каждый пятый жи-

---

* Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса. Отв. ред. В.М.Давыдов. М., 2012, с. 110.

тель. В итоге 113,5 млн человек (25 млн домохозяйств) получали денежные выплаты или разного рода льготы и услуги в рамках той или иной программы. 52 млн человек из этого числа составляли дети в возрасте до 14 лет. Это было особенно важно, если учитывать своего рода «инфантилизацию» бедности в регионе (свыше 60% детей и подростков).

**СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА (%) ВВП
ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПЕРИОДАМ
(средневзвешенный показатель в рыночных ценах)**

Период	Среднегодовой темп прироста			
	Суммарный ВВП в абсолютном объеме	ВВП ЛКА* в подушевом выражении	Подушевой ВВП США	Подушевой ВВП в целом по миру
1971—1980 Финал полити- ки импортзаме- щающей индус- триализации	5,6	3,0	—	—
1981—1989 Переходная ситуация, свя- занная с поис- ком новой мо- дели на основе неолиберальных рецептов	1,3	-0,8	2,4	1,6
1990—1997 Господство нео- либеральной модели (рефор- мы первого по- коления)	3,3	1,5	1,6	0,6
1998—2003 Кризис неолибе- ральной модели	1,4	-0,1	2,0	2,0
2004—2008 Смещения ак- центов в пользу социальных ориентиров	5,3	4,0	1,4	3,3

* 19 стран.

Источник: CEPAL. La hora de la igualdad. Brechas por cerrar, caminos por abrir. Santiago de Chile, 2010, p. 57.

Другое дело — сохраняющаяся крайняя неравномерность распределения доходов. Из десятка государств мира с высокими индексами неравенства пять находятся в Латинской Америке. При этом 20% беднейших ее жителей имеют лишь 2,9% доходов, тогда как богатейшие 20% располагают 57,8%; заметим, что в Азии доля беднейших составляет 8,7%. Примечательно, что и в экономически более развитых и политически стабильных Бразилии, Мексике и Чили на долю 10% самых богатых приходится 42% национального дохода (подробнее см. приложение). Проблема крайнего неравенства остается в повестке дня, и убедительных свидетельств ее решения пока нет. Тем более в ситуации, осложненной кризисом 2008—2009, который в ряде случаев, похоже, перешел в затяжную рецессию.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ — УГРОЗЫ И РИСКИ

Сегодня ЛКА, пожалуй, по-прежнему удерживает мировое первенство по показателям социального неравенства. Но есть и другая все более травмирующая общество проблема, которая соперничает с социальным неравенством по своему негативному эффекту.

Проблемы внутренней безопасности и возможности государства противостоять натиску криминала выдвинулись в число первоочередных, часто отодвигая на задний план дискуссии о «левых» и «правых» поворотах. Большинство латиноамериканцев полагают, что живут в менее безопасной стране (55% в среднем по континенту), а 85% уверены в росте преступности. Экспоненциальный рост насилия, о котором говорит устрашающая статистика убийств и их распространение по странам континента, вне зависимости от характера политических режимов и степени зрелости демократии, свидетельствует о том, что в ряде стран государство утрачивает монополию на применение насилия, а его структуры становятся проницаемыми для проникновения агентуры криминальных групп, активно использующей механизмы коррупции. Именно с ней связаны преждевременные отставки высших должностных лиц государств и коррупционные скандалы в верхних эшелонах власти, подрывающие ее легитимность и приводящие к кризису доверия. В ряде случаев масштабы криминального насилия ставят под сомнение конкурентные преимущества отдельных стран региона.

Статистика одного более чем красноречивого показателя — количества преднамеренных убийств на 100 тыс. жителей — прямо указывает на осложнение криминогенной обстановки во многих странах региона, но прежде всего в зоне Месоамерики*. Индекс за «нулевые» годы поднялся более чем в два раза в Мексике, на Ямайке, в Доминиканской Республике, Панаме, Гайане.

Показатель превышает критический уровень в 50 жертв или близок к нему в Гондурасе (мировом рекорсмене), Сальвадоре, Гватемале, Венесуэле. Вместе с тем было бы неправильно забывать о достижениях Аргентины, Бразилии, Колумбии и Парагвая, существенно снизивших число жертв, о сохранении сравнительно низких показателей (в пределах 10) в Коста-

---

* Мексика и Центральная Америка.

Рике, Чили, Уругвае и Боливии. Для сравнения укажем, что по данным 2010 г., для США показатель составлял 4,8, в Германии — 0,8, Франции — 1,1, в РФ — 10,2*.

Ситуация усугубляется тем, что до настоящего времени не найдено эффективное противоядие организованной преступности, приобретшей транснациональный характер. Транснациональная организованная преступность (ТОП) — по сути дела представляет собой совокупность многопрофильных предприятий, чья активность распространяется и на область легального бизнеса, но основа деятельности связана с наркобизнесом и наркотрафиком, транспортировкой нелегальных мигрантов и поставками контрафактной продукции. Невиданный ранее рост насилия и убийств в Мексике, Центральной Америке, Андских странах (производителях наркотических средств) и на Карибах является производной сверхприбыльного криминального бизнеса, с одной стороны, и следствием слабости и коррумпированности полицейских служб — с другой.

Острота социальных контрастов в наиболее отсталых странах не только не сгладилась, но привела к новым формам девиантного поведения среди подрастающего поколения, объединяющегося в молодежные банды, насчитывающие десятки тысяч человек. Феномен молодежных банд не нов, но в последнее десятилетие наметилась тенденция к установлению ими контактов с кланами организованной преступности, что чревато расширением ареалов криминального насилия. Структуры молодежных банд, построенных по сетевому принципу, связаны с ТОП. Об опасности для общества этих криминальных организаций говорит и их возрастная структура, состоящая из подростков и молодых мужчин в возрасте от 12 до 24 лет. Отсутствие социальных лифтов для молодежи из бедных и беднейших слоев, сегрегация жителей фавел и трущоб определяют их исход в царство криминала.

Распространение организованной преступности связано с такими традиционными сферами, как контрабанда, отмывание денег и торговля живым товаром. ТОП как верхний этаж преступного мира оказывает растлевающее и деморализующее воздействие на беднейшие слои, предоставляя им возможности случайного заработка и внедряя в их сознание стандарты жизненного успеха, достигаемого главарями наркомафий путем насилия, принуждения и вымогательства.

Слияние двух потоков криминала — ТПО и молодежных банд — привело к росту тяжких преступлений и в конечном счете **к кризису общественной безопасности**, охватившему ряд мелких и крупных государств (включая Мексику).

В отличие от прежнего времени сама преступность, приобретшая транснациональные черты, располагает огромными финансовыми ресурсами, имеет значительные арсеналы оружия и современные средства связи, что значительно затрудняет противодействие ей на уровне национальных государств. Фактически при неэффективности полиции и слабости судебной системы уже произошла приватизация сферы общественной безопасности,

---

* См. United Nations Office of Drugs and Crime. Homicide Statistics – 2012. Vienna, 2012.

которая проявилась в росте числа частных охранных фирм, обеспечивающих интересы богатой верхушки, тогда как население остается беззащитным перед лицом криминала. Повышение уровня криминализации тяжким бременем ложится и на экономику, увеличивая косвенные издержки производства.

Для разрыва порочной цепи, скованной криминалом, коррупцией и безнаказанностью, необходимы не только политическая воля правительств, но и значительные финансовые средства, которыми не располагают государства, оказавшиеся в эпицентре криминальной активности. Пока так и не увенчались успехом робкие попытки очистить полицейские службы от коррумпированных сотрудников, поэтому для противодействия преступности все чаще привлекаются армия и флот. Первой по этому пути пошла еще в 2006 г. Мексика, где за шесть лет ведения войны с наркокартелями был арестован ряд главарей наркомафии, усилен контроль государства над трассами наркоторговли и несколько снижен уровень тяжких преступлений. Затем примеру Мексики последовали страны Центральной Америки, Колумбия и Бразилия.

Однако само привлечение вооруженных сил к борьбе с преступностью, несмотря на большую эффективность действий военных профессионалов, чревато опасными последствиями. Такой курс несет с собой угрозу милитаризации. При слабых институтах, дисфункции властей на местах, инерции военного авторитаризма, при недоверии населения к полиции и судебной системе это чревато пагубными последствиями для общества, подрывает основы консолидации демократии.

ЭКЗАМЕН КРИЗИСА

Симптоматично, что страны ЛКА в своем большинстве перенесли последний глобальный экономический кризис гораздо лучше традиционных центров мировой экономики. Это, пожалуй, произошло впервые в период после Великой депрессии 30-х годов прошлого столетия.

Все страны региона решали практически сходные проблемы, связанные с противодействием спаду внутреннего спроса и производства, росту инфляции, дефицитности бюджета и снижению уровня жизни населения, прежде всего путем сохранения уровня занятости. Несмотря на различия в формах и методах антикризисной терапии и в финансовых возможностях, странам ЛКА в целом удалось минимизировать социально-экономические издержки турбулентных процессов и в большинстве случаев обеспечить сравнительно динамичный выход из рецессии практически уже к концу 2009 г.

В начальной фазе, когда заметно возросла необходимость стабилизации финансовой системы и повышения ее ликвидности, преобладали кредитно-денежные меры. Центральные банки снижали резервные требования, выкупали гособлигации, предоставляли кредитным учреждениям дополнительную ликвидность посредством операций репо (кредитов под залог ценных бумаг).

Инертность коммерческих банков и их проциклическое поведение предопределили повышение роли бюджетно-налоговых стимулов, которые по своим масштабам и спектру отраслевой направленности заняли ведущее

место среди различных инструментов антикризисного регулирования. При этом ставились следующие цели: предотвратить резкое падение деловой активности, не допустить роста безработицы, оказать поддержку обширному сектору малого и среднего бизнеса. В странах с режимами левой ориентации ставилась также задача (хотя и с ограничениями) защиты беднейших слоев населения, включая выделение им специальных субсидий и дотаций. В ряде государств активно использовались средства ранее созданных внебюджетных фондов: Фонда развития инфраструктуры в Колумбии, Фонда бюджетной стабилизации в Перу, Фонда социально-экономической стабилизации в Чили, Фонда стабилизации нефтяных доходов в Мексике, Фонда суверенного благосостояния в Бразилии.

Наиболее значительных масштабов бюджетные расходы антикризисной направленности достигли в Аргентине, Бразилии, Колумбии, Мексике, Уругвае и Чили. Это во многом объясняется более высоким финансовым потенциалом этих стран и, соответственно, возможностью более широкого маневра в распределении ресурсов или их концентрации на особо уязвимых участках производства и социальной сферы. Так, правительство Аргентины в рамках Плана общественных работ направило в экономику ресурсы объемом в 5,1% ВВП. В Уругвае государственные расходы (потребление и инвестиции) в 2009 г. увеличились на 9,5% и составили 27,0% ВВП. Это позволило компенсировать снижение частных инвестиций и обеспечить около 50% годового прироста ВВП (2,9%). На 5,5% увеличились в 2009 г. совокупные расходы госсектора в Колумбии. В Мексике общая сумма затрат с применением механизмов бюджетно-фискальной политики оценивается примерно в 50 млрд долл. (5,7% ВВП)¹. Противоположная практика среди семи наиболее крупных экономик региона наблюдалась лишь в Венесуэле, где правительство в условиях расстройств госфинансов было вынуждено пойти в 2009 г. на сокращение госрасходов (на 18% по сравнению с 2008 г.) и увеличило ставку налога на добавленную стоимость на 3%.

Особое внимание уделялось программам инфраструктурного строительства, обладающего большим мультипликативным эффектом. В Перу на инфраструктурные объекты в 2009 г. было израсходовано 1,6 млрд долл.² Правительство Аргентины в рамках плана общественных работ направило в 2009 г. в экономику 15,9 млрд долл., главным образом для осуществления проектов в сфере жилищного строительства, здравоохранения, расширения дорожной сети и систем канализации. В Колумбии при участии Межамериканского банка развития (МАБР) и Андской корпорации развития был образован Фонд развития инфраструктуры в 500 млн долл. Кроме того, правительство выделило в 2009 г. 2,4 млрд долл. на реализацию общественных работ, в том числе на дорожную сеть, строительство жилья и ирригацию. В Эквадоре в октябре 2009 г. было решено направить 2,5 млрд долл. (4,9% ВВП) на финансирование жилищного строительства и расходов муниципалитетов, инвестиций в инфраструктуру, а также для предоставления небольших кредитов населению с низкими доходами³.

В реализации программ поддержки реального сектора и социальной сферы существенно повысилась роль государственных банков. Активное использование механизма государственного кредитования (особенно в Аргентине, Бразилии, Мексике, Колумбии, Чили) позволило во многом компенсировать ослабление динамики движения частного ссудного капитала и

увеличить объемы кредитования реальной экономики, а также программ поддержки малообеспеченных слоев населения. Так, Национальный банк социально-экономического развития Бразилии (Banco Nacional de Desenvolvimento Econômico e Social, BNDES), являющийся в этой стране важнейшим каналом госкредитования, направил в 2009 г. на реализацию инфраструктурных проектов 35,7% всего объема предоставленных в том году кредитов.

Наряду с прямыми бюджетными ассигнованиями выросли масштабы налоговой поддержки деловой активности. В 2008—2009 гг. 25 из 33 государств региона применяли те или иные схемы налоговых скидок и льгот. Более широкое распространение они получили в Бразилии, Колумбии и Аргентине. В меньшей степени такие схемы использовались в Мексике, в основном из-за традиционно низкой налоговой нагрузки на экономику.

Одной из важных особенностей бюджетно-налоговой политики стала ее направленность на сохранение занятости, в том числе через механизм поддержки малых и средних предприятий. В Мексике, где на долю малого и среднего бизнеса приходится 52% производства ВВП и 72% всех занятых, в рамках принятой в октябре 2008 г. программы предусматривалось выделение таким предприятиям 2,7 млрд долл. в виде льготных кредитов. В Аргентине налоговые стимулы предоставлялись инвесторам, чьи проекты предполагали значительное увеличение занятости, с выделением отдельной квоты для мелких и средних предприятий.

Для правительства Бразилии ассигнования на развитие производства имели наивысший приоритет. Так, 46,6% BNDES в 2009 г. были направлены в промышленность⁴. Примером эффективности комбинированных правительственных мер по оживлению частного производства может служить автомобильная промышленность. В четвертом квартале 2008 г. сбыт готовой продукции в отрасли практически прекратился. Однако после увеличения кредитов покупателям и снижения налога на продажи автомобилей объем их производства в 2009 г. почти достиг предкризисного уровня.

С точки зрения состава антикризисного арсенала и возможностей его эффективного применения можно выделить три группы стран: южноамериканскую, месоамериканскую и карибскую. Отличительными чертами южноамериканских экономик являются более высокий уровень развития, относительно диверсифицированная география внешних связей, наличие крупных месторождений минерального сырья и энергоресурсов, составляющих основную часть экспорта. Это помогало проводить более разнообразную и масштабную антикризисную политику.

С точки зрения антикризисного маневра меньшими возможностями обладали государства Карибского бассейна, экономика которых во многом зависит от доходов от туризма и денежных переводов соотечественников, работающих в США и Европе. В 2009 г., в разгар кризиса падение ВВП в странах Карибского бассейна составило -2,3% (-1,5% в среднем по ЛКА). Они оказались наиболее обремененными внешним долгом. Задолженность госсектора в этой группе достигла 75% ВВП по сравнению с 45% в среднем по ЛКА⁵. Что касается Мексики и Центральной Америки, то эффективность антициклического регулирования снижалась как по причине сравнительно ограниченных бюджетных ресурсов, так и в силу преимущественной ориентации внешнеэкономических связей на американский ры-

нок. Эти страны в полной мере ощутили последствия вялого восстановления производства в США. Кроме того, усугубляющим фактором для стран Центральной Америки является их зависимость от импорта энергоресурсов.

Вместе с тем в целом благодаря антикризисным программам странам ЛКА удалось предотвратить вхождение в инфляционную спираль и не допустить резкого ухудшения социальных индикаторов. Менее эффективной, как представляется, оказалась политика по стабилизации обменных курсов. Сохранение в США и в зоне евро низких процентных ставок обусловило массивный приток спекулятивного капитала в латиноамериканские страны, что во многом снизило результативность предпринимаемых ими мер по стабилизации обменных курсов национальных валют.

Несмотря на прогресс, достигнутый странами региона в проведении стабилизационных мер, очевидна потребность в дальнейшем совершенствовании их макроэкономической политики. Так, странам региона пока не удалось достичь оптимального сочетания между мерами по поддержанию макроэкономической стабильности и повышению конкурентоспособности национальных экономик, чего в свое время добились восточноазиатские государства. Разработка и реализация антикризисных программ происходили без учета их воздействия на перспективы развития. Преимущественно решались текущие вопросы. Задачи долгосрочного порядка по формированию в ходе кризиса предпосылок для модернизации оставались, как правило, за скобками стабилизационной политики.

Итак, с одной стороны, имеются вполне реальные основания говорить о повышении запаса прочности экономик целого ряда стран региона, их возросшей способности противостоять негативным последствиям внешних шоков. Активное использование арсенала бюджетных, монетарных и валютных инструментов позволило минимизировать воздействие разрушительных процессов, возникших в мировом хозяйстве. С другой стороны, более остро встала задача переосмысления полученного опыта и внесения корректив в стратегию посткризисного развития.

РЕЗЕРВЫ ИНТЕГРАЦИИ

В текущем и быстро меняющемся развитии интеграционных процессов можно выделить четыре преобладающие тенденции. Во-первых, **тенденция к образованию двух крупных интеграционных зон**, каждая из которых состоит из нескольких группировок. Одна из них формируется вокруг Мексики и США, ее образуют страны Центральной Америки, Колумбия, Перу и Чили, государства карибского региона. Благодаря соглашениям о свободной торговле с США, Мексикой и Канадой, программам развития транспортной, коммуникационной, электроэнергетической интеграции в рамках Месоамериканского проекта, а в самое последнее время и Тихоокеанского альянса эти страны все теснее взаимодействуют с NAFTA. Все они заключили соглашения об ассоциации с ЕС. Центром второй зоны является Общий рынок стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur) во главе с Бразилией, в него входят также Аргентина, Венесуэла, Уругвай, Парагвай. (Членство Парагвая временно приостановлено после молниеносного импичмента экс-президента Фернандо Луго, который был расценен другими членами Mercosur и Союза южноамериканских наций (Unión de

las Naciones del Sur, Unasur) как парламентский переворот.) Переговоры о присоединении к Mercosur в качестве полноправных членов ведут Боливия и Эквадор. Члены Mercosur критически относятся к режиму свободной торговли, практикуют умеренный протекционизм в отношении национальной промышленности, в международных экономических и политических отношениях отдают приоритет связям по линии Юг—Юг.

Наряду с дроблением на множество группировок действует и **тенденция к укреплению регионального единства**. В феврале 2010 г. было создано Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) в составе всех 33 государств ЛАК, включая Кубу, но без участия США и Канады. Деятельность новой организации посвящена вопросам политического и экономического сотрудничества стран региона. Данное объединение призвано преодолеть раздробленность интеграционных организаций в регионе, интенсифицировать их связи и координацию, продвинуть вперед как экономическое, так и политическое сотрудничество стран ЛАК, способствовать выработке общих позиций на международных форумах.

В-третьих, в условиях спада в экономике Западной Европы и неопределенности на рынках США **существенно повышается значение рынков латиноамериканских и карибских стран**, успешно выдержавших испытания кризиса. По окончании кризиса латиноамериканские экономики оказались наиболее перспективными после стран Азии рынками капиталов и товаров, они привлекают внимание всех участников мирового хозяйства, и сами государства региона спешат воспользоваться своими конкурентными преимуществами на рынках соседей (географической близостью, общностью языка, культуры, наличием интеграционных соглашений и т.д.). Наиболее высокими темпами товарооборот развивается между странами, выступающими за свободу торговли и тяготеющими к NAFTA, тогда как в Mercosur протекционистская политика Аргентины и Бразилии порождает многочисленные противоречия и сдерживает развитие реальной интеграции. Доля взаимной торговли в суммарном экспорте и импорте государств региона, хотя и повысилась в последние 5 лет, все еще не превышает 20%, что значительно ниже, чем в ЕС, NAFTA, ASEAN.

Росту взаимной торговли должна способствовать следующая актуальная тенденция латиноамериканской интеграции — **к быстрому развитию сотрудничества в области транспорта и энергетики**, наблюдающемуся в обеих крупных интеграционных зонах. Эта форма интеграции вызывает гораздо меньше противоречий, чем торговля. Наряду с ней в посткризисный период усиливается сотрудничество стран региона в финансовой сфере в связи с обострением долговых проблем США и ЕС и угрозой новой волны глобального кризиса. Началось практическое осуществление долгосрочной задачи, поставленной на саммите в Бразилии в декабре 2008 г., — создания новой региональной финансовой архитектуры. Она призвана уменьшить уязвимость региональной экономики от неблагоприятных внешних воздействий и должна включать три основных элемента: региональный банк развития, резервный фонд и региональное валютное пространство. Уже создан Банк Юга (Banco del Sur, Bancosur), которому в новой системе отводится роль главного банка развития субконтинента. Учредительное соглашение, отражающее основные направления его деятельно-

сти, размеры капитала и взносов стран-членов было подписано президентами семи стран в сентябре 2009 г. Практическое начало операций банка ожидается в 2013 г. Успешно развиваются возникшие в разгар кризиса схемы расчетов во взаимной торговле без применения доллара и евро. В частности, торговля на основе расчетной региональной денежной единицы сукре (используется Венесуэлой, Кубой, Боливией, Никарагуа и Эквадором, в марте 2013 г. присоединился Уругвай) в 2010—2012 гг. превысила 1100 млн долл., было совершено свыше 2 тыс. операций.

Одной из наиболее заметных тенденций посткризисного развития интеграционных процессов стала **ориентация всех торгово-экономических блоков на расширение связей со странами АТР**, демонстрирующими устойчивый рост на фоне углубления финансовых трудностей в США и ЕС. Самым ярким выражением этой тенденции явилось создание в июне 2012 г. нового крупного интеграционного союза, названного Тихоокеанским альянсом, в составе четырех стран — Мексики, Колумбии, Перу и Чили. На очередном совещании глав государств альянса в мае 2013 г. ожидается присоединение Коста-Рики в качестве пятого полноправного члена. Статус наблюдателей получили страны разных континентов (Панама, Гватемала, Уругвай, Испания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония), что говорит о большом интересе в мире к этому интеграционному проекту. Страны альянса стремятся к производственной кооперации с государствами Азии как основы устойчивых долгосрочных отношений с АТР. Одновременно они форсируют взаимное инвестиционное, торговое и финансовое сотрудничество, к апрелю нынешнего года 90% их взаимной торговли было либерализовано.

Быстрыми темпами развивают торговые и инвестиционные связи со странами АТР и другие латиноамериканские группировки, в первую очередь Mercosur, для которого в последние годы важнейшим торговым партнером стал Китай, обойдя государства Западной Европы. В июле 2012 г. в ходе визита в страны Mercosur премьера КНР достигнута договоренность о начале переговоров о создании совместной зоны свободной торговли. Китай предложил финансовую помощь в виде займов на сумму 10 млрд долл. на развитие инфраструктуры Южной Америки и 5 млрд долл. на финансирование совместных проектов в обрабатывающей промышленности региона. Укрепление экономических отношений со странами Азии стало одним из первоочередных пунктов повестки дня CELAC, делегация сообщества посетила в августе 2012 г. Китай и Индию, где договорилась о проведении ежегодных двусторонних встреч на высшем уровне с целью углубления дипломатических отношений и подготовки соглашений в области торговли и инвестиций. Страны Mercosur заключили торговые соглашения также с арабскими и африканскими государствами. После вступления России в ВТО практически во всех латиноамериканских группировках усилился интерес к развитию экономических связей с РФ.

Таким образом, региональные интеграционные союзы под влиянием глобального кризиса все больше отходят от традиционной ориентации своих внешних связей на США и Западную Европу, выстраивая многовекторные схемы, стараются использовать все возможности для расширения и диверсификации экспорта, для завоевания новых перспективных рынков.

ОГРАНИЧИТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Можно полагать, что текущее десятилетие станет особо важным периодом для экономики и политики стран региона, что предопределяется рядом обстоятельств. Во-первых, в предстоящие годы будут наиболее интенсивно складываться новые контуры посткризисного мира, новые технологические и политические альянсы и приоритеты, экономические и валютные конфигурации. Во-вторых, следует ожидать ускорения втягивания ведущих экономических центров в постиндустриальную фазу развития, что кардинально трансформирует мировую обстановку и поставит перед странами ЛКА принципиально новые задачи. Если на индустриальном этапе стратегия «догоняющего развития» исходила прежде всего из необходимости наращивания промышленного потенциала, то в условиях постиндустриального мира стратегическими целями станут параллельное ускоренное прохождение индустриального этапа и создание предпосылок для перехода в постиндустриальную фазу. В-третьих, по всем основным параметрам эта эволюция представляет для стран региона задачу чрезвычайной сложности. Ее решение будет, видимо, в большой степени зависеть от характера и масштабов взаимодействия с центрами постиндустриального развития, эффективностью государственной политики как в решении традиционных проблем, так и в адаптации к новым вызовам.

В этих условиях риски, стоящие перед странами региона, становятся все более многослойными. Среди особо важных обстоятельств экономического плана следует выделить следующие.

1. Недостаточный уровень капиталовложений остается одной из ключевых проблем, сдерживающих развитие экономики региона. Несмотря на прогресс, достигнутый за последние годы, страны ЛКА не смогли существенно нарастить норму накопления. Удельный вес капиталовложений в ВВП составил в регионе в 2011 г. 22,9%, что ниже показателей даже середины 70-х годов прошлого века. Заметим, что в странах Юго-Восточной Азии он, как правило, превышает 30%.

2. По оценкам ЭКЛАК, нынешний уровень производительности труда в среднем по ЛКА лишь незначительно увеличился по сравнению с 1980 г., в то время как в странах Азии он вырос за тот же период в три раза. Если в промышленности региона в наиболее благоприятный период (2003—2007 гг.) производительность труда росла в среднем на 2% в год, то в США в последние десятилетия XX в. отмечался ее трехпроцентный рост с тенденцией к повышению до 5% в конце 90-х и начале нулевых.

3. По объему средств, направляемых на научно-исследовательские работы (НИР), страны региона пока заметно отстают не только от развитых, но и от быстроразвивающихся экономик Азии. В 2010 г. доля ЛКА в мировых расходах на НИР (по ППС) составила 2,8% по сравнению с 25,9% в восходящих экономиках Азии, 29,4% в ЕС и 39,2% в США и Канаде. При этом сохраняется существенный разрыв между самими латиноамериканскими государствами: на Бразилию, Мексику и Аргентину приходится 90% всех ассигнований региона на НИР (соответственно 70%, 13% и 7%).

4. Наряду с недофинансированием науки нерешенными остаются такие острые проблемы, как наличие разрыва между структурой и качеством подготовки профессиональных кадров и потребностями инновационной

экономики; смещение центра тяжести национальных НИР в сторону фундаментальных, общетеоретических работ в ущерб прикладным исследованиям; слабое участие бизнеса в развитии собственной исследовательской базы; низкий уровень сетевой кооперации; неразвитость института инновационных рыночных посредников.

5. Численный рост разного рода союзов и объединений регионального и субрегионального масштаба пока не сопровождается заметными качественными сдвигами. В то же время новый алгоритм экономического роста требует трансформации действующих в регионе интеграционных группировок на основе создания общего экономического, транспортного, энергетического, инвестиционно-финансового пространства. В условиях перехода к инновационной модели развития изменяется сущность самой интеграции. Ее движущей силой становится уже не традиционная внешняя торговля, а научно-производственная кооперация — совместные разработки, производство и сбыт наукоемкой продукции, позволяющие создать эффективные технологические цепочки. Без масштабных инфраструктурных и инновационных проектов эффективность надстроечных финансово-торговых решений остается, как показывает практика, проблематичной.

6. Несмотря на предпринимаемые меры по более полному использованию внутренних резервов, внешние факторы традиционно играли и в обозримом будущем продолжают играть важную роль в хозяйственном развитии ЛКА. И здесь по-прежнему сохраняются серьезные риски. Мировая экономика вступила в фазу замедленного роста. Процесс восстановления может оказаться под угрозой, если риски падения экономических показателей материализуются. Существует опасность срабатывания «эффекта домино» и перерастания долговых проблем в еврозоне, США и Японии в новую рецессию. При таком сценарии наблюдаемая в странах ЛКА позитивная динамика окажется под большим вопросом. В повестку дня встают сложные задачи приспособления к меняющимся внешнеэкономическим условиям и поиска путей дополнительной мобилизации внутренних (и внутрирегиональных) возможностей.

О ПРИОРИТЕТАХ РОССИЙСКО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Характеризуя развитие российско-латиноамериканских связей, мы обычно констатируем вполне удовлетворительные результаты по политической части и несоответствие реальным возможностям сторон достигнутых в области экономического сотрудничества.

Нельзя не признать, что российская дипломатия сделала очень многое для того, чтобы в период «бескормицы» 90-х годов сохранить сеть наших представительств в регионе, а в последующем даже нарастить ее за счет ряда центральноамериканских и карибских государств. Seriously упрочена договорно-правовая основа сотрудничества. С большинством стран ЛКА уже действуют соглашения о безвизовом режиме.

Но пока, видимо, нам все еще придется довольствоваться той же формулой оценки результатов сотрудничества. После кризисного спада 2009—2010 гг. объем торговли РФ со странами ЛКА в основном восстановился, вернувшись на уровень 16 млрд долл. Однако заметно, что мы существенно от-

стаем от ряда новых внерегиональных партнеров ЛКА, прежде всего Китая, Южной Кореи и Индии.

Отношения РФ с латиноамериканскими партнерами выведены на высокий государственный уровень. В практику последних лет вошел периодический обмен визитами, во время которых принимаются решения по ключевым вопросам двустороннего взаимодействия и по широкому кругу актуальных международных проблем. При этом вторая часть переговорной повестки становится все более содержательной, к ней латиноамериканские партнеры проявляют все больший интерес.

Тем не менее необходимо обратить внимание на то, что по сравнению с двусторонней тематикой многосторонняя все еще остается в тени. Имея в виду интенсификацию внутрорегионального сотрудничества стран ЛКА, формирование здесь новых региональных и субрегиональных механизмов интеграции, следует предпринять более целенаправленные усилия в целях получения доступа к традиционным и новым механизмам. Следует понять, что перспектива нашей работы в ЛКА связана с адекватным сочетанием действий в двустороннем и многостороннем формате.

Как представляется, результаты торгово-экономического сотрудничества в основном будут определяться как функция поступательного развития самой российской экономики, реального состояния ее конкурентоспособности. В странах ЛКА вполне осознается тот факт, что однополярный миропорядок не состоялся, что на мировой арене, на мировом рынке происходит неуклонный процесс перераспределения сил и влияния. Статистика однозначно свидетельствует о постепенном и относительном уменьшении экономического присутствия США в ЛКА. Впрочем это заметно и по раскладу политического влияния. Уровень присутствия ЕС (после бурного прироста в 90-е годы) мало изменился. Динамичную восходящую тенденцию демонстрирует, конечно, Китай. За ним подтягивается Индия. Немало появилось и других новопришельцев — Турция, Иран, не говоря о Южной Корее. Иными словами, нам уже не приходится оправдывать свои трудности на рынках ЛКА «противодействием империалистов». Нам, нашим корпорациям нужно научиться работать на равных с широким кругом прямых и косвенных конкурентов.

Нельзя также не принимать во внимание новую роль Бразилии, которая стала центром экономического и политического притяжения в регионе. При этом в Западном полушарии она, пожалуй, остается единственной страной, способной противостоять северному гиганту, и тот (как симптоматично) уже прагматически вынужден считаться с гигантом южным.

Все это означает, что РФ, нашим предприятиям в ЛКА необходимы новые механизмы сотрудничества, новые комбинации и альянсы. Прошло время, когда можно было довольствоваться обычными торговыми сделками. Торговля должна подкрепляться переплетением долгосрочных интересов с нашими латиноамериканскими партнерами. Не исключено, что интересы дела могут потребовать кооперации не только с латиноамериканскими партнерами, но и с фирмами другого географического происхождения для удачного сочетания конкурентоспособных преимуществ разных сторон.

Одно из перспективных решений — расширение системы научно-технических связей, более активное взаимодействие в области инноваций и современных технологий. Это направление содержит в себе большой

мультипликативный эффект, способствуя развитию смежных отраслей, созданию новых производств в ключевых секторах экономики и увеличению занятости. Речь может идти и о масштабных бизнес-проектах, реализация которых приведет к росту взаимных товаропотоков, интенсификации инвестиционного и производственного сотрудничества.

По оценкам, ежегодный оборот на мировом рынке инновационных технологий и наукоемкой продукции составляет в настоящее время около 3 трлн долл. Это в несколько раз превышает объемы операций с сырьем, включая газ и нефть. К 2015 г. торговля наукоемкой продукцией может возрасти до 4—4,5 трлн долл. Хотя доля РФ на этом рынке составляет, примерно, 0,3%, она сохраняет лидирующие мировые позиции в ряде областей науки и техники, которые представляют интерес и для латиноамериканских стран. Россия обладает передовыми технологиями не только в энергетике, где уже имеется опыт сотрудничества с рядом латиноамериканских стран, но и в таких сферах, как железнодорожный транспорт, освоение космоса, мирное использование атомной энергии, нанотехнологии и в других областях науки и техники. В рамках разработанного в России инновационного сценария развития расходы госбюджета на науку вырастут с 1,2% ВВП в настоящее время до 3% к 2030 г.

В ближайшей перспективе наибольшее внимание будет уделяться тем сферам взаимодействия, где российские компании уже зарекомендовали себя на латиноамериканском рынке. Среди приоритетных областей можно выделить топливно-сырьевой комплекс, энергетику, металлургию, химическую и нефтехимическую промышленность, машиностроение, транспортный и агропромышленный комплексы. Имеются также возможности реализации совместных проектов в аэрокосмической области, биотехнологиях, охране окружающей среды, приборостроении, информатике и вычислительной технике, медицинской технике, фармакологии и других сферах.

Специфика сотрудничества будет определяться самим характером того или иного направления. **В топливно-сырьевом комплексе** есть серьезные перспективы: взаимодействие в передаче технологий, ориентированных на внедрение современных методов поиска, разведка и мониторинг запасов минерального и органического сырья, повышение степени его извлекаемости и разработки, а также создание высоконадежных и экологически безопасных систем транспортировки.

В энергетике инновационная политика может концентрироваться на создании и использовании парогазовых установок для электростанций на газообразном топливе и высокоэффективных паросиловых блоков с применением новейших технологий сжигания топлива для электростанций на твердом топливе; разработке эффективных энергоустановок, использующих возобновляемые источники энергии (биоэнергетики, солнечной энергии).

В металлургии особую актуальность приобретают создание сквозных технологических циклов производства, обеспечивающих максимальное ресурсо- и энергосбережение на всех стадиях, расширение сортамента и повышение качества металлопродукции. **В химической и нефтехимической промышленности** серьезный интерес могут вызвать материало- и энергосберегающие технологии производства широкого спектра синтетических и композиционных материалов новых поколений, технологии про-

изводства экологически чистых удобрений, ресурсосберегающие малотоннажные химические производства на базе автоматизированных систем.

В области машиностроения в ряде случаев может быть востребован российский опыт в технологическом перевооружении отдельных производств за счет автоматизации процессов проектирования и изготовления продукции, применения методов высокоточной обработки конструкционных материалов и повышения качества поверхностей деталей и металлоконструкций.

Транспортный комплекс: здесь технологическое сотрудничество может развиваться в обновлении железнодорожного подвижного состава, морских, речных и воздушных судов, автотранспортных средств, дорожных машин и оборудования.

Аэрокосмическая сфера предполагает перспективу запуска искусственных спутников, использования навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, предназначенной для оперативного навигационного обеспечения неограниченного числа потребителей наземного, морского, воздушного и космического базирования.

В агропромышленном комплексе немалый эффект может быть получен от сотрудничества в семеноводстве, племенном деле, в птицеводстве и животноводстве, от совместных исследований в биотехнологиях растениеводства и животноводства. Следует обратить внимание на борьбу с эрозией почв, восстановление лесов. Есть перспективы в деле производства комплектующих изделий, сборке, ремонте и техобслуживании сельскохозяйственной техники и оборудования для пищевой и перерабатывающей промышленности.

Факторы, благоприятствующие российскому партнерству с Латинской Америкой, могут оказать влияние на развитие отношений с Бразилией, которая входит в десятку экономических гигантов планеты, занимая передовые позиции по выпуску продукции машиностроения, стали, самолетов, тракторов, морских судов, автомобилей и т.д. Бразилия успешно работает в авиастроении, и эта сфера могла бы стать предметом нашего плодотворного сотрудничества. Можно говорить и о совместных проектах в освоении космоса, использовании ГЛОНАСС в освоении шельфовых месторождений. С Мексикой — в области газовой и горнодобывающей промышленности, энергетики и транспорта, в аэрокосмической сфере. С Аргентиной — мирное использование атомной энергии, в области использования системы ГЛОНАСС; в сооружении и модернизации ГЭС и ГРЭС, в области железнодорожного транспорта, в геологических исследованиях месторождений углеводородов и твердых полезных ископаемых на территории Аргентины; а также в области лесного хозяйства, в исследовании Антарктиды. Имеются перспективы укрепления связей с Венесуэлой, Колумбией, Перу, Чили. Именно перечисленные страны определяют экономическое лицо региона.

Как показывает практика, значительные возможности сохраняются в сфере военно-технического сотрудничества. Армии ряда латиноамериканских стран активно реформируются и вступают в фазу технического перевооружения. Россия является активным участником этого процесса. Напомним, что в общем объеме экспорта вооружения российского производства, по результатам 2011 г., на страны Латинской Америки пришлось примерно 15%.

Главными инструментами взаимодействия в сфере НИР являются межгосударственные и межправительственные соглашения по научно-техническому и инновационному сотрудничеству, двусторонние и многосторонние комиссии высокого уровня, контакты руководителей министерств и ведомств, определяющих стратегию партнерства России и стран ЛКА.

По мере укрепления контактов целесообразно применение различных организационно-правовых механизмов сотрудничества, включая:

- продажу патентов, лицензий и ноу-хау, совместное производство, экспорт высокотехнологичных изделий, а также выполнение заказов на научно-технологические разработки;

- создание на совместной основе научных, технологических и инновационных лабораторий, центров, научно-образовательных интегрированных структур с целью повышения мобильности ученых и развития научно-технического информационного обмена;

- поддержку импорта перспективных технологических комплексов посредством предоставления инвестиционных кредитов и гарантий.

По нашему мнению, возможно заключение соглашения между правительством России и Межамериканским банком развития о создании совместного трастового фонда развития науки и технологий с целью:

- финансирования операций по передаче российских технологий, их практического внедрения и использования в промышленности стран региона;

- организации доработки российских высокотехнологичных продуктов и их адаптации к реальным условиям латиноамериканских стран, а также возможной коммерциализации данных технологий на мировом рынке;

- для укрепления в латиноамериканских странах собственной научно-технической базы;

- совершенствования системы подготовки научных кадров и технических специалистов в процессе совместных исследований или посредством организации учебных программ в латиноамериканских учебных центрах или в российских научных организациях.

Сегодня в России и в странах ЛКА решаются во многом сходные задачи — структурная модернизация национального хозяйства, увеличение информационной емкости производства, насыщение и развитие инновационной составляющей. С учетом реального опыта взаимодействия, наличия в России перспективных разработок в области НИР имеются основания полагать, что научно-техническая область может стать эффективным направлением взаимовыгодного сотрудничества. Его успех во многом будет определяться нацеленностью на прорывные фундаментальные и прикладные исследования с последующей коммерциализацией их результатов. В то же время выход на новые рубежи потребует постоянного наращивания усилий с обеих сторон и формирования механизмов, обеспечивающих различные варианты реализации инновационных проектов.

На наш взгляд, особого внимания в контексте российско-латиноамериканского взаимодействия в ближайшие годы заслуживает вопрос об **укреплении правовых основ мировой политики**, чему посвящен специальный раздел в новой «Концепции внешней политики» РФ (КВП 2013). Это имеет прямое отношение к межпарламентским связям.

Нет смысла отрицать очевидное: авторитет и престиж международного права (МП) сегодня оставляют желать много лучшего, а накопившиеся в нем многочисленные противоречия и лакуны зачастую «выталкивают» участников международного общения на такие авантюристические, непродуманные или импровизационные действия, которые способны еще больше подорвать его авторитет и утвердить «право силы» в качестве основы международных отношений.

Перечисление этих лакун и противоречий займет много места и времени. Назовем лишь самые очевидные. Это — противоречие между принципами территориальной целостности и самоопределения, а также суверенитета и невмешательства во внутренние дела и принципом защиты прав человека. Отсутствие четкого, юридически значимого определения «терроризм» или того, какая «нация» или какой «народ» имеют право на «самоопределение», носит явно выраженный конфликтогенный характер. В условиях преимущественно *внутристранового* характера современных конфликтов необходимо обновить юридический статус «комбатантов» и «некомбатантов», разграничить компетенцию региональных миротворческих структур и полномочий ООН, определить «гуманитарные пределы» санкций, четче обозначить параметры «ответственности за защиту» и т.д. После событий в Ливии в повестку дня остро встал вопрос об уточнении правового режима так называемых бесполетных зон, устанавливаемых с санкции международной организации.

Укрепление авторитета и престижа МП необходимо еще и потому, что научно-технический прогресс постепенно открывает для хозяйственной деятельности человека такие ранее неиспользуемые или малоиспользуемые, а также «ничейные» пространства, как Арктика и Антарктика, стратосфера, районы открытого моря за пределами территориальных вод и экономической зоны. Очевидно, что подход к их освоению на *неправовой основе* может быть чреват драматическими последствиями. Наличие проблем в МП является по большей части *следствием отсутствия в мире единообразного понимания его сущности и специфики* и, в первую очередь, уяснения того, **является ли МП средством обеспечения интересов отдельных субъектов политики или же интересов мирового сообщества в целом.** Эта разница в восприятии, которая, в свою очередь, является следствием исторических различий между англо-американской и «континентальной» европейской системами права, далее, с учетом обостряющихся глобальных проблем, становится все менее терпимой.

Для того, чтобы поставить МП на службу интересам мирового сообщества, а не отдельных его влиятельных единиц, необходимо наладить углубленное сотрудничество между теми странами, которые сохраняют к нему *уважение*, закрепленное на конституционном уровне*.

Общеизвестно отношение к МП со стороны ведущих стран ЛКА, а также тот исторический вклад, который они внесли в его кодификацию и прогрессивное развитие. Достаточно упомянуть разработку и утверждение в нем принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние

---

* По Конституции РФ международное право пользуется приоритетом над внутренним законом, в большинстве латиноамериканских стран законодатель конституционно обязан «учитывать» МП во внутреннем законодательстве. Конституция США полностью игнорирует МП в процессе федерального законодательства, а также законодательства штатов.

дела, неприменения силы или угрозы силой, права дипломатического признания и убежища, обширного инструментария мирного разрешения споров, безъядерной зоны и «зон мира», реального ограничения и сокращения вооружений, институтов морского права и т.д.

Отсюда — реальная возможность углубленного сотрудничества государств региона с Россией, где уважение к международному праву всегда, даже в годы советской власти, по крайней мере на теоретическом уровне, было достаточно высоким*. России настала пора переходить от постоянной констатации «общности подходов» к вопросу о верховенстве права в мировой политике с ведущими государствами ЛКА к конкретным делам.

Для этого нам представляется целесообразным:

1. В развитие того, что в КВП 2013 именуется «мягкой силой», начать популяризацию в ведущих государствах латиноамериканского региона теоретического наследия русских дореволюционных (Л.И.Петражицкий, Г.К.Гинс, Ф.Ф.Мартенс, Б.А.Кистяковский и др.) и выдающихся советских* юристов-международников с переводом их наиболее известных произведений на испанский и португальский языки; содействовать более широкому ознакомлению российских специалистов с трудами выдающихся латиноамериканских юристов-международников (Р.Барбоза, Х. де Аречага, М.Дестефани, Х.Бустаманте-и-Сирвен и др.). Нужно продумать вопрос о параллельном издании в России и латиноамериканских странах трудов российских и латиноамериканских юристов-международников.

2. Дополнить политическое взаимодействие дипломатов РФ и ведущих латиноамериканских стран на различных международных форумах (ООН, АТЭС, BRICS, «Г-20», ОАГ) периодическими контактами их юристов в целях более тщательной правовой проработки обсуждающихся тем.

3. Начать выдвижение совместных инициатив в области кодификации и прогрессивного развития международного права в соответствующих комиссиях и комитетах ООН и других международных организаций, создавая в этих целях специализированные рабочие группы, выдвигать на основе взаимных консультаций единых докладчиков от этих групп, созывать совместные научно-практические конференции по наиболее актуальным проблемам международного права, организовывать совместные публикации и содействовать налаживанию постоянного обмена специалистами и студентами.

Обозначенная выше правовая проблематика должна составлять весомую часть переговорной повестки в рамках межпарламентских обменов. При этом следует иметь в виду, что сегодня работа на этом поприще (в том числе с латиноамериканскими партнерами) все чаще предполагает выход за пределы двусторонних форматов! Применительно к ЛКА речь должна идти о налаживании сотрудничества с парламентскими структурами ключевых интеграционных блоков региона и общелатиноамериканского парламентского объединения. Со временем целесообразно также обратиться к возможности сотрудничества межпарламентских структур ЛКА и тех, которые возникают на постсоветском пространстве.

---

* Достаточно назвать имена таких известных советских юристов, как Дурденевский, Тункин, Кожевников, Крылов, Морозов, для которых общее международное право было гораздо более значимо, чем так называемое международное право социалистических государств.

Очевидно, что в отношениях и дискуссиях с латиноамериканскими парламентариями никуда не уйти от проблематики прав человека. К ней особо чувствительны страны, пережившие травму репрессивной военной диктатуры, в частности, Чили, Аргентина, Уругвай, Бразилия. Хотя критический настрой по отношению к российским реалиям в данном случае существенно меньше того, что приходится слышать от иных парламентариев из зоны «коллективного Запада», придется уделять внимание и этой теме, стремясь отвести латиноамериканских коллег от легковесных, поверхностных и формалистических стереотипов восприятия проблематики прав человека в различной цивилизационной и социокультурной среде. С латиноамериканцами мы чаще находим понимание по этому кругу вопросов.

Работа в международном поле правовой тематики несомненно относится к жанру «мягкой силы». Но, наверное, трудно что-то возразить против следующего утверждения. Если во внешней политике опираться на концепцию «мягкой силы», то нет более «мягкой силы», чем культура. Важно учитывать и то, что общественным мнением большинства государств региона культура и культурная политика все чаще воспринимаются как эффективные механизмы решения многих проблем в разных сферах жизни современного общества, включая политическую, экономическую и социальную. При этом само понятие «культура» трактуется чрезвычайно широко и отнюдь не ограничивается художественной культурой.

Учитывая это обстоятельство, одним из приоритетов внешнеполитической деятельности правительства РФ должна стать разработка конкретных мер как по усилению нашего «культурного присутствия» в странах ЛКА, так и по активизации продуктивного сотрудничества.

Принимая во внимание, что в постсоветский период наши позиции в Латино-Карибской Америке значительно ослабли, их необходимо восстанавливать с учетом всего позитивного, что было в советском опыте, и одновременно наполнять новым содержанием, адаптируя его к современному историческому контексту.

Представляется важным инициировать сотрудничество и обмен опытом в сфере культурной политики с учетом сходства проблем, возникающих в мультикультурных обществах в эпоху глобализации. Речь идет о поисках адекватных форм взаимодействия культур в контексте противостояния двух векторов современного развития — тенденции к глобализации, с одной стороны, и стремления к сохранению и укреплению национальной и локальной идентичности — с другой. Подобное взаимодействие может оказаться полезным и в решении столь острой проблемы, как проблема существования и развития «малых народов» и их культур в полиэтническом социуме.

Среди тех мер и форм сотрудничества, которые целесообразно использовать на культурной ниве в отношениях со странами ЛКА, следует обратить внимание на следующее:

— проведение на регулярной основе «перекрестных годов» российской культуры и культур ведущих стран региона (встречи деятелей культуры, обмен выставками, кинофильмами, музыкальными коллективами, театральными спектаклями и т.д.), опираясь на позитивный опыт недавнего осуществления подобных мероприятий совместно с Испанией, Италией и Германией;

— содействие проведению форумов в жанре межцивилизационного диалога с участием представителей научных и экспертных кругов с целью обогащения концептуальной основы, оптимальных практических решений в области культурного обмена и гуманитарного сотрудничества в целом;

— расширение сети центров российской культуры в странах региона и соответствующих центров культуры латиноамериканских и карибских стран в России;

— поощрение деятельности российских научных и образовательных центров, изучающих и пропагандирующих культуры стран ЛКА, возможно, с привлечением бизнес-сообщества.

Особое значение, конечно, имеет сотрудничество в области образования, прежде всего на уровне высшей школы. К сожалению, мы растеряли здесь многие конкурентные преимущества. Условия жизни и обучения иностранных студентов во многих наших вузах невозможно считать приемлемыми. Министерству науки и образования РФ необходимо пересмотреть порядок работы и финансирования в этой области, возможно, если иного не дано, по принципу «лучше меньше, да лучше». Вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, что интересы РФ и расширяющаяся практика сотрудничества с ЛКА потребуют в перспективе существенного увеличения притока латиноамериканских студентов и диверсификации их по профессиональной специализации (включая вузы «силового блока»).

* * *

Более глубокая интеграция РФ в мировую экономику, в систему международных отношений предполагает и более активное освоение нами латиноамериканского направления. Можно с уверенностью говорить о том, что в ЛКА для этого существуют достаточно благоприятные предпосылки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ CEPAL. Sede subregional en México. Evolución económica durante 2008 y perspectivas para 2009. México, 2009. P. 6.

² При оплате расходов использовались средства фонда бюджетной стабилизации, общий объем которых в марте 2009 г. составлял 1,8 млрд долларов.

³ CEPAL. Estudio económico de América Latina y el Caribe 2009—2010. Santiago de Chile, 2010. P.127.

⁴ El Banco de desarrollo de Brasil. – www.inter.bndes.gov.br

⁵ IMF. Regional Economic Outlook: Western Hemisphere. Washington, 2011, October. P. 73.

Другие материалы парламентских слушаний будут опубликованы в последующих номерах нашего журнала.